

«Чтоб жили вы в интересные времена».

Одно очень древнее проклятие

Это — боги, которые играют в игры. Игральная доска у них — целый мир, а играют они человеческими жизнями.

Чаще всего выигрывает Рок.

Даже не чаще всего, а всегда. Большинство богов предпочитают кости, но Рок играет в шахматы (или похожие игры), причем в рукаве у Рока обязательно припрятан второй ферзь.

Рок всегда выигрывает. По крайней мере, так принято считать. «О, это был Рок», — обычно говорим мы, когда что-то случается.¹

Боги способны принять любое обличье, и лишь одно в себе они изменить не могут — это глаза. Глаза выдают истинную природу бога. Глаза Рока вряд ли можно назвать глазами — это просто черные дыры, откуда на вас глядит бесконечность с рассеянными в пустоте... кто знает чем — может, звездами, а может, чем похуже.

Прищурившись, Рок одарил противников самодовольной улыбкой — именно так улыбаются победители за пару секунд до того, как стать победителями.

— Первосвященник Зеленой Мантии совершил убийство в библиотеке при помощи обоюдоострого топора, — объявил Рок.

¹ Люди любят выносить однозначные суждения. Возьмем, к примеру, чуда. Если благодаря загадочному стечению обстоятельств кто-то спасается от неминуемой гибели — что обычно говорят? «Он чудом спасся». Но если по капризу не менее загадочного стечения обстоятельств (пролитое именно *тут* масло, подгнившая именно *там* ступенька) человек вдруг погибает... Согласитесь, вполне логично заключить, что это *тоже* было чудо. Факт неприятности происшедшего вовсе не отменяет факта чудесности.

И выиграл.

После чего одарил противников еще одной улыбкой.

— Везет же некоторым, — прогундел сквозь каплющие слюной резцы Оффлер, Бог-Крокодил.

— Похоже, сегодня я питаю расположение к самому себе, — проронил Рок. — Ну, еще партейку? Или во что-нибудь другое перекинемся?

Боги пожали плечами.

— Может, в Безумных Королей? — Рока не покидало хорошее расположение духа. — Или в Несчастных Влюбленных?

— В Несчастных Влюбленных? — откликнулся Слепой Ио, главный из богов. — Никто уже не помнит правил, а руководство куда-то задевалось.

— Тогда, может, в Кораблекрушение?

— В эту ты всегда выигрываешь, — покачал головой Ио.

— А как насчет Засух и Потопов? — не сдавался Рок. — Там совсем легкие правила.

На игральную доску упала чья-то тень. Боги подняли глаза.

— Ага, — произнес Рок.

— Ну что, поиграем? — спросила Госпожа.

Статус этой богини был неизменным предметом споров, причем под сомнение ставилась сама ее божественность. Со всей определенностью можно было лишь утверждать, что поклонение ей еще ни к чему хорошему не приводило и что появляется она только там, где ее меньше всего ждут. И что уповающие на ее благоволение очень редко остаются в живых. Если где-то и возводят ей храм, в него неизменно ударяет молния. Эта богиня — учредитель и единственный держатель акций лотереи «Последний шанс». Некоторые люди предпочитают пройти по канату, одновременно жонглируя топорами, нежели произнести вслух ее имя.

Поэтому чаще всего ее называют просто Госпожа, и глаза у нее зеленые; не такие зеленые, как у людей, а изумрудно-зеленые — от края до края. Поговаривают, будто бы это ее любимый цвет.

— Ага! — вновь воскликнул Рок. — И во что же мы будем играть?

Госпожа села напротив него. Прочие боги обменялись косыми взглядами. Запахло чем-то интересным. Ведь эти двое извечные враги.

— Как насчет... — Она сделала паузу. — Великих Империй?

— О, эту я тевпеть не могу, — нарушил внезапно воцарившуюся тишину Оффлер. — В конце все умивают.

— Увы, — согласился Рок. — Но это же игра. — Он кивнул Госпоже и голосом, очень напоминающим тот, которым профессиональные игроки уточняют правила игры, осведомился: — Падение Династий? Народы, Висящие На Волоске?

— Все включено, — подтвердила Госпожа.

— О, *прекрасно*.

Рок взмахнул рукой над игровой доской. Появился Плоский мир.

— И где будем играть? — спросил он.

— На Противовесном континенте, — ответила Госпожа. — Где на протяжении долгих веков ведут смертельную борьбу пять благородных семейств.

— В самом деле? И что это за семейства? — полюбопытствовал Ио.

Отдельные индивидуумы не вызывали в нем особого интереса. Занимаясь по большей части громами и молниями, Слепой Ио был искренне убежден, что единственная достойная цель, которую может преследовать существо по имени человек, — это как следует промокнуть или, для разнообразия, превратиться в кучку золы.

— Хоны, Суны, Таны, Максвини и Фаны.

— Эти? Кем-кем, а благородными я бы их не назвал.

— Они очень богаты. Ради своей выгоды или просто по причине фамильной гордости они убили и замучили миллионы людей, — объяснила Госпожа.

На данное заявление боги отреагировали торжественными кивками. Спору нет, это воистину благородное поведение. Они, боги, поступали точно так же.

— *Максвини?* — переспросил Оффлер.

— Весьма древнее и почтенное семейство, — кивнул Рок.

— О.

— Эти пять семейств пойдут на что угодно, лишь бы занять имперский трон, — продолжал Рок. — Ну и? Ты за кого играешь?

Госпожа бросила взгляд на раскинувшееся перед ними полотно истории.

— Хоны самые могущественные. Только за время нашего разговора они успели прибавить к своим владениям несколько родов. — Госпожа задумчиво склонила голову набок. — Победа словно предначертана им свыше.

— Стало быть, ты выбираешь семейство послабее?

Рок вновь взмахнул рукой. Появились фигуры. Они задвигались по доске так, словно были живыми — что, впрочем, соответствовало действительности.

— Но, — продолжал он, — чур, играем без костей. Тут я тебе не доверяю. Они у тебя вечно с подвохом. Нет, пусть орудиями в нашей игре будут сталь и тактика, политика и война.

Госпожа ответила согласным кивком.

Рок посмотрел в глаза противнице.

— И каков же твой первый ход? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Я уже походила.

Он опустил взгляд на поле.

— Но я не вижу твоих фигур.

— На доске их еще нет, — ответила она.

И раскрыла ладонь.

В ладони ее шепуршалось что-то черно-желтое. Госпожа дунула, и существо расправило крылья.

Это была бабочка.

Рок всегда выигрывает...

В отличие от людей его не сдерживают какие-то там правила.

Как утверждает философ Лай Тинь Видль, хаос именно там процветает, где настойчивее всего ищут порядка. Хаос всегда побеждает порядок, поскольку лучше организован.

А это — бабочка бурь.

Ее крылья слегка более зазубренные, нежели крылышки обычных однодневок. Согласно фрактальной природе вселенной, это означает, что зазубренные края ее крылышек бесконечны — так же как бесконечен любой зазубренный берег. Если измерить его длину на самом последнем уровне, на уровне сверхмикроскопической «малости», то длина эта будет бесконечной — а если и не бесконечной, то, по крайней мере, настолько близкой к Бесконечности, насколько Бесконечность доступна человеческому взору в погожий день.

Как следствие, если края крыльев бесконечно длинны, то сами крылья бесконечно велики.

Конечно, может *казаться*, что своими размерами они ничем не отличаются от обыкновенных крылышек, но так кажется лишь

человеческим существам, которые склонны отдавать предпочтение не логике, а здравому смыслу, пользующемуся среди них столь широкой популярностью.

Квантовая погодная бабочка (мотылекус буреносус) неприметного желтого цвета. Куда больший интерес представляют узоры Мандельброта на ее крыльшках — сложные многоцветные завитки, перемежающиеся странными скоплениями черного в виде сердечек.

Ну а самая выдающаяся особенность квантовых бабочек заключается в их способности управлять погодой.

Предполагается, что эта способность развилась у них в процессе естественного отбора — даже самая изголодавшаяся птица не позарится на кормежку в виде локализованного торнадо.¹ Однако впоследствии эта приспособительная черта превратилась во вторичный половой признак, вроде плюмажа у птиц или горлового мешка у некоторых видов лягушек. «Посмотри на *меня*, — призывает самец, лениво взмахивая крыльями где-нибудь под пологом тропического леса. — Может, по цвету я совсем неприметен, однако недели через две и за тысячу миль отсюда все только и будут говорить о том, что «нетипичные для наших широт бури и ураганы послужили причиной серьезных разрушений».

Это — бабочка бурь.

Вот она взмахивает крыльшками...

А это — Плоский мир, рассекающий межзвездное пространство на спине гигантской черепахи.

Впрочем, ничего странного в его поведении нет. На определенном этапе развития все обитаемые миры примеряют на себя подобную космологическую теорию. Видимо, разумные существа запрограммированы на нее изначально.

В степях и полях, в сочащихся влагой джунглях и раскаленных докрасна молчаливых пустынях, в болотах и тростниковых заводях — одним словом, везде, где при вашем приближении что-то с громким «хлюп» прыгает с ветки, бревна или камня, в некий решающий момент на ранних стадиях развития племенной мифологии разыгрываются бесконечные вариации на тему нижеследующего...

— Гля!

¹ Как правило, около шести дюймов в поперечнике.

— Чиво?

— Вон, хлопнулось с бревна!

— Да? И чиво?

— Я думаю... думаю... типа, *думаю*, что одна из этих тварей может нести на своей спине целый мир.

Зависает молчание — собеседник пытается охватить умственным взором великую астрофизическую гипотезу, а потом...

— Чиво, весь мир? Это как?

— Ну, я... это... Ну, не одна из них, ясен перец, а какая-нибудь большая, *здоровущая*.

— Да уж точно не маленькая.

— Типа... по-настоящему большая.

— Гм, по-моему, я понимаю, к чему ты клонишь.

— Логично, правда?

— Логично-то логично, только вот...

— Че?

— Да так... Просто... Хочется думать, то есть вроде как надеешься, что та, *здоровущая*, не «хлопнет».

И тем не менее именно так устроен Плоский мир. И в его устройстве присутствует не только черепаха, но и четыре гигантских слона, на спинах которых неспешно вращается гигантское колесо мира.¹

А еще на Диске есть Круглое море — приблизительно на полпути между Пупом и Краем. Вокруг него расположились страны, которые, как утверждают историки, и составляют цивилизованный мир — то есть тот мир, который может позволить себе содержать историков: Эфеб, Цорт, Омния, Клатч и расползшийся во все стороны город-государство Анк-Морпорк.

Однако наша история начинается в совсем другом месте. И что же мы видим? Человек лежит на плоту, в голубой лагуне, под солнечным небом. Руки человека закинута за голову, и, судя по всему, он счастлив — в его случае состояние необычайно редкое, можно сказать, практически беспрецедентное. Он благодушно насвистывает что-то веселое, болтая ногами в кристально-чистой воде лагуны.

¹ Некоторые интересуются, как такое может быть. Оно же *вращается* — спины слонов должны быть все в ожогах! Но с таким же успехом можно задаваться вопросами типа: «Почему земная ось не скрипит?», «Куда уходит любовь?» или «Какой звук издает желтый цвет?»

Ноги у него розовые, с десятью пальцами, похожими на коротенькие пухленькие пороссячи хвостики.

Хотя, с точки зрения крадущейся вдоль рифа акулы, они больше походят на завтрак, полдник и обед.

Всегда есть протокол. А еще тщательно соблюдаемый этикет. Ну и вежливое благоразумие. Не говоря уже о дармовой выпивке. То есть якобы вы польстились на дармовщинку.

Теоретически лорд Витинари, как верховный правитель Анк-Морпорка, мог в любой момент призвать пред свои светлые очи аркканцлера Незримого Университета. А вздумай тот ослушаться, казнить его на месте.

Однако Наверн Чудакулли, как глава основного учебного заведения на Диске, выпускающего в большую жизнь волшебников, дал понять — вежливо, но недвусмысленно, — что *он*, со своей стороны, легко может превратить *его* (на том же самом месте) в небольшую амфибию из семейства лягушачьих и остаток своей жизни *он* проведет, весело поквакая и бодро прыгая по комнате.

Спиртное помогало перекинуть мостик через эту дипломатическую пропасть. Время от времени лорд Витинари приглашал аркканцлера во дворец для дружеской беседы за бутылкой хорошего вина. И разумеется, аркканцлер приходил — просто потому, что не прийти было бы проявлением *невежливости*. Такое положение дел всех устраивало, все вели себя пристойно, и не было ни брожения в умах, ни мокрых пятен на ковре.

Стоял прекрасный полдень. Лорд Витинари сидел в дворцовом саду, несколько раздраженно наблюдая за бабочками. Его слегка оскорбляло то, как эти беззаботные существа порхают себе и в ус не дуют, а ведь от их порхания государству ничего не прибавляется...

Послышались приближающиеся шаги.

— А, это вы, аркканцлер, — оторвался от своих размышлений лорд Витинари. — Так приятно снова вас видеть. Присаживайтесь! Надеюсь, у вас все хорошо?

— Все прекрасно. — Наверн Чудакулли сел. — А у вас как? Со здоровьем все в порядке?

— Лучше не бывает. Погода вроде опять пошла на потепление.

— Вчера был особенно хороший день.

— А завтрашний может быть еще лучше. Во всяком случае, так говорят.

— Ну, мы могли бы помочь кое-каким заклинанием...

— И это правильно.

— Согласен.

— Гм...

— Безусловно.

Некоторое время патриций и аркканцлер наблюдали за бабочками. Слуга принес охлажденные напитки в длинных бокалах.

— Интересно все же, что они там делают... с цветами?.. — нарушил затянувшееся молчание лорд Витинари.

— Это вы о чем?

Патриций пожал плечами.

— Не обращайтесь внимания. Пустяки, просто пришло в голову. Кстати, раз уж вы так удачно зашли, аркканцлер, — заглянули по пути, направляясь по каким-то своим, разумеется, бесконечно более важным делам... Так вот, не могли бы вы оказать мне любезность и ответить на один несложный вопрос: кто есть Великий Волшебник?

Чудакулли задумался.

— Может быть, декан? — предположил он. — Поистине великий человек, столько жрать...

— Чутье подсказывает мне, что этот ответ несколько неправилен, — возразил лорд Витинари. — Контекст наводит на мысль, что «великий» в данном случае означает «самый лучший».

— Тогда точно не декан, — решительно качнул головой Чудакулли.

Преподавательский состав Незримого Университета... Картина, открывшаяся внутреннему взору лорда Витинари, воплощала небольшую цепь округлых холмов в остроконечных шляпах.

— О да, вряд ли декан велик в *этом* смысле, — вслух заключил он.

— Э-э... А могу ли я поинтересоваться, в связи с чем, собственно, возник вопрос?

Патриций положил руку на набалдашник трости.

— Пойдемте, — сказал он. — Думаю, лучше будет, если вы сами все увидите. Лично я ума не приложу, что все это значит.

Следуя за лордом Витинари, Чудакулли с интересом осматривался. Нечасто выпадает случай прогуляться по садам, которые во всех садоводческих книгах упоминаются в разделе «Самые Распространенные Ошибки и Заблуждения».

Их разбил (очень, очень уместный глагол) прославленный (дурная слава — это ведь тоже слава) садовник и на все руки изобретатель Чертов Тупица Джонсон. Благодаря свойственным ему рассеянности и полному незнанию элементарных законов математики его сады как нельзя лучше подходили для любителей острых ощущений.

Есть люди, которые строят, используя скрытые, но благожелательные силы магнитных полей. Так вот, Чертов Тупица Джонсон был совсем иного рода гением. Его произведения неведомым образом приводили в действие некие тайные силы природы. Солнечные часы с колоколами то и дело взрывались, обезумевшая каменная кладка в конце концов покончила с собой, а литые садовые решетки расплавились — пока только в трех местах, но начало было положено.

Патриций провел аркканцлера через калитку, и они вошли в нечто вроде голубятни. Внутри висела скрипучая деревянная лестница. Вездесущие анк-морпоркские голуби¹ приветствовали незваных гостей злобным бормотанием и курлыканием.

— Странное здание, никогда не видел ничего подобного, — заметил Чудакулли, с опаской ставя ногу на лестницу.

Ступеньки отозвались жалобным стоном.

Патриций извлек из кармана ключ.

— Насколько я понимаю, изначально господин Джонсон строил улей, — заметил он. — Однако за отсутствием таких больших пчел мы нашли этому... зданию другое применение.

Он отпер дверь. Они оказались в большом квадратном помещении. На каждой стене было по незастекленному окну. Закрепленные в пустых проемах деревянные распорки с колокольчиками на шнурах, очевидно, предназначались для того, чтобы подавать сигнал, если в «голубятню» заглянет какой-нибудь крылатый посланец.

В центре комнаты на столе сидела здоровенная птица — Чудакулли и не подозревал, что такие бывают. Птица повернулась и уставилась на аркканцлера желтым, похожим на здоровенную бусину зраком.

Патриций извлек из кармана баночку с анчоусами.

— Честно говоря, этого гостя мы никак не ждали, — сообщил он. — Прошлый раз такой посланец заглядывал к нам почти десять

¹ Все анк-морпоркские голуби относятся к совершенно особой породе — голубь одичалый, неуничтожимый.